

УДК 172.12

**И. А. ИЛЬИН О СУЩНОСТИ ГОСУДАРСТВА:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ И ПРОТИВОРЕЧИВАЯ ПРАКТИКА**

**I. A. ILYIN ABOUT NATURE OF THE STATE:
THEORETICAL VIEWS AND CONTRADICT PRACTICE**

©Океанова З. К.

д-р экон. наук
Московский государственный юридический
университет им. О. Е. Кутафина
г. Москва, Россия, oceanovaz@yandex.ru

©Океанова Z.

Dr. habil., Kutafin Moscow State Law University
Moscow, Russia, oceanovaz@yandex.ru

Аннотация. Динамичный XX век связан с рядом важных событий, значимых для народов трансформационных процессов. Имеющих определенные плюсы и минусы, противоречивых. Свидетельствующих о важности позиций государства в управленческой системе. При этом представляются актуальными исследования И. А. Ильина о сущности государства, его основаниях, роли в развитии общества. Отражающие понимание им рассматриваемого феномена, его дух, приведенных в статье близко к тексту работ для передачи его колорита. В условиях формирования страновой и мировой концепций развития представляющихся заслуживающими внимания, выступающими основанием для размышлений, новых работ, исследований.

Abstract. The dynamic twentieth century is associated with a number of important events that are significant for the peoples of transformational processes. Having certain pros and cons, contradictory. Witnessing the importance of the state's positions in the management system. At the same time, Ilyin's research on the nature of the state, its foundations, and its role in the development of society is considered relevant. Reflecting his understanding of the phenomenon in question, his spirit, given in the article is close to the text of works for the transfer of his colour. In the conditions of the formation of the country and world concepts of development, new works and researchers that deserve attention, are the basis for reflection.

Ключевые слова: государство, правосознание, интересы человека и государства, солидарность, конфликтность.

Keywords: state, sense of justice, human and state interests, solidarity, conflict.

Актуальнейшая научно–практическая проблема — об основах и сущности государства, его роли в развитии общества. Имеющая ряд общих подходов, вместе с тем неоднозначно понимаемых и потому вызывающих научный и практический интерес.

Виднейший исследователь государственности — русский философ, писатель и публицист Иван Александрович Ильин. Родился 9 апреля 1883 г. в Москве. В 1906 г. окончил юридический факультет Московского университета, где был оставлен для подготовки к преподавательской деятельности. В 1918 г. защитил диссертацию, получил ученую степень доктора юридических наук и ученое звание профессора. Не принявший большевизма и революции, высланный в 1922 г. из страны. В научном плане исследовавший основы, содержание, роль государства в общественной системе в призме духовности, особенностей проблем, возникающих и решаемых в России. Чрезвычайно важных в методологическом плане и сегодня.

В 1923–38 гг. один из организаторов Русского общества в Берлине, издатель и редактор Русского колокола. Умер в 1954 г. в Швейцарии — в пригороде Цюриха Цолликон.

В 2005 прах его и жены перезахоронены в России, в Москве — в некрополе Донского монастыря.

В 2006 г. архив его трудов из Мичиганского университета доставлен в Россию, в библиотеку Московского государственного университета.

Сформулировавший, как представляется, концепцию «идеального государства», связанного с духовностью народа и государства, как основой его «*внутреннего мира*», осуществляемого через правосознание.

Вместе с тем отмечавшего, что «и в науке, и в жизни все еще господствует *формальное* понимание государства, извращающее его природу и разлагающее в душах все основные начала государственности.

Следуя этому пониманию, люди строят государственную жизнь так, как если бы она сводилась к известным, механически осуществляемым *внешним поступкам*, оторванным от внутреннего мира и от духовных корней человека. Их наличность или отсутствие, по их мнению, может обеспечиваться какими угодно средствами и приемами — насилием или страхом, корыстью или наказанием, только бы люди повиновались, только бы вносили налоги, только бы не совершали преступлений и не творили беспорядков, — а остальное неважно.

Государство понимается как строй *внешней*, а не *внутренней* жизни. Независимый от правосознания и, питаемый поверхностными слоями или дурными силами души, вырождающийся в своем содержании и расширяющийся в своих основах.

Обособленный от подлинной стихии народной жизни, сосредотачиваемый в изволениях и актах тесного круга правящих лиц и превращающийся для всех остальных граждан в чуждую им и неосмысленную систему мертвящего принуждения. Государственная принадлежность начинает переживаться как ненавистная кандалная цепь, а правители кажутся чуть ли не бессмертными тюремщиками» [1, с. 105–106].

В противовес, ... государственность должна жить в *душах* людей, занимая их *внимание*, вовлекая их *интерес*, постоянно заставляя их *мысль* — работать, их *волю* — напрягаться, их *чувство* — гореть. Народ, у которого политическая жизнь бесчувственна, безвольна, бессмысленна — государственно мертв и бесплоден. Его политическая организация «имеет значение» и «обстоит де юре», но *не имеет духовного существования*. Такой народ, строго говоря, совсем не ведет политической жизни, ибо политическая жизнь есть разновидность *духовного творчества*.

Это можно выразить так, что государство, как продукт человеческой деятельности, соответствует своему назначению и достоинству только в случае, если оно творится *надлежащим органом* и, притом, органом, стоящим на должной высоте. Порочная воля, изуродованное или бессильное чувство, скудное и темное сознание — *не в состоянии строить государственную жизнь*. Ибо государство есть организованное единение *духовно-*

солидарных людей, понимающих мыслью свою духовную солидарность, приемлющих ее патриотической любовью и поддерживающих ее самоотверженной волею [1, с. 108–109].

Но для того, чтобы мысль, чувство и воля человека творчески зажили политическую связь должно состояться *духовное принятие* государства. Каждый человек, пребывающий в состоянии наивного своекорыстия, должен принять государство сначала в порядке *эгоистического*, а затем *предметно–духовного интереса*.

Прежде всего он должен удостовериться, на всегда суровом и мучительном опыте, что он лично заинтересован в существовании и поддержании государства, он сам нуждается в политическом единении, его собственные основные и насущные потребности ведут его к принятию государства. Мало того, его частный эгоистический интерес сам по себе уже есть в известных пределах не что иное, как интерес *самого* государства и *всего* государства в целом. Что, наконец, самая жизнь его невозможна вне или помимо политической организации.

Весь столетиями вынашиваемый опыт феодализма, гражданских войн и классовой борьбы — научается *публично–правовому и патриотическому бескорыстию*. Тому, что жизнь имеет не только измерение личной корысти, но и измерение *духовного достоинства*, творящего верховный суд над всяким «интересом». Тому, что государство есть нечто не только «полезное», но *духовно–правое и духовно–необходимое*, что нельзя быть человеком, с индивидуальным духом, в полном и истинном смысле этого слова, — и не участвовать личными силами в жизни и деятельности политически организованного союза. И только убедившись в этом, человек получает достаточное и, в то же время принудительное основание *признать* государство и *добровольно* принять его законы в порядке самовмещения и повиновения.

Вместе с тем незрелое состояние человеческих душ, одержимых наивно–пророческим, эгоистическим тяготением и не умеющих мотивировать свое внешнее поведение самостоятельным признанием естественной правоты, — делает государство необходимым и целесообразным способом поддержания *естественного права* через его *положительно–правовое* провозглашение и вменение. Обязанность формулировать естественное право в виде объективно–значящих, общеобязательных правил внешнего поведения (т.е. в виде положительного права), с тем, чтобы эти правила проникали в сознание и к воле людей и порождали в них мотивы к правильному действию.

Таким образом, по своей основной идее государство есть союз духовно принадлежащих людей, племен и наций, объединенных ради гитереномного осуществления естественного права. Это означает, что государство имеет единую, объективную и высшую цель и что только свободное, волевое принятие этой цели делает человека воистину гражданином. [1, с. 110].

Вместе с тем политический формализм насаждает в душах и действиях людей самый беспринципный *политический релятивизм*, в результате этого целые поколения людей вырастают в уверенности, что «в политике все дозволено» и что авторитетом государственной власти может быть все «прикрыто». И человечество, пожиная от времени до времени плоды этой деградации, продолжает слепо держаться за такую противоестественную традицию и нелепую практику [1, с. 111].

Напротив, нормальное правосознание, еще со времен Платона и Аристотеля, утверждало и будет утверждать *единство и объективность* государственной цели, не безразличной к творимому делу, имеющей свое особое содержательно–определенное задание. Если государство совсем не осуществляет его, или осуществляет совсем не его, то оно не только «в идее» перестает быть государством, но фактически жизненно разлагается и гибнет. Государство имеет свою объективную природу, определяемую объективной целью,

которая не может безнаказанно разрушаться и попирацца. Те, кто не понимает этого — неспособны к политической деятельности, кто не блюдет этого — готовят себе и своему государству трагический конец. Государство таит в себе некий имманентный ей рок, и этот рок несет горе и мзду — и политически-неумудренному правителю, и политически-слепому народу [1, с. 112].

Чрезвычайно важные утверждения. И вытекающее из них понимание сущности государства.

Объективная природа государства определяется его высшею целью ... обеспечения *всему народу и каждому индивиду* его естественного права на самобытное определение себя в жизни, то есть *права на жизнь* и, притом, на достойную жизнь, внешне-свободную и внутренне-самостоятельную. Организация такого сожителства людей и, притом, на основании *права и власти*, составляет ту единую, политическую цель, которой служит государство. Только верное понимание этой цели открывает доступ к пониманию средств и строения политического союза. ... Основная природа ее, т. е. того, что делает ее политической — в единстве и общности для всех граждан.

Вместе с тем у каждого человека имеется *эгоцентрическое* тяготение к свободе, каждый ищет возможность обеспечить *себе свои* естественные права. Это значит, что у многих людей имеются *похожие* или даже *одинаковые* цели, не совпадающие, однако, в одну единую и общую цель. Сколько людей, — столько целей; ибо каждый — о себе. В определении *своего* интереса каждый может «согласиться» с другим; но интересы эти *не сливаются* в единый и общий. Иными словами, здесь есть подобие, и, может быть, согласие; но нет *солидарности*, ибо *одинаковые* интересы не объединяются в *общий*. А между тем *политическая* деятельность есть именно *солидарная деятельность во имя общей цели*. Отсутствие ее разрушает политический союз и превращает народ во множество разьединенных *атомов*. Тогда эгоистическое тяготение ведет к эгоистической деятельности; сходство интересов порождает лишь *параллелизм и конкуренцию* и, в конце концов, духовный атавизм и своекорыстие остаются последним словом этого противополитического разброда.

Сущность государства состоит в том, *что все его граждане* имеют, помимо многих различий, противоположных или одинаковых интересов и целей, *одну, единственную цель и один, общий интерес*. Об этой цели каждый *может* сказать: «это моя цель»; и будет прав; но *должен* добавить: «не только моя». И все сразу могут сказать: «*это наша общая цель*» и, высказав это, все будут правы. Но это и означает, что цель эта — *общая*. Множество телесно- и душевноразьединенных людей желают *одного и того же*, такого, что или *сразу у всех* будет, или чего *сразу у всех* не будет. Каждый живет одиноко и по-своему; «интерес», как личное переживание, остается своеобразным и множественным. Но предмет желания — *един для всех* и может быть создан только в организованном, *совместном и не* одинаковом творчестве [1, с. 112–113].

При этом солидаризация интересов возникает так, что каждый член союза начинает понимать неосуществимость *своей* цели помимо осуществления чужих одинаковых целей, и, притом, *всех* чужих. Осознания того, что его полномочия поддерживаются и питаются исключительно чужими обязанностями и запретностями, и что, в тоже время, они отовсюду ограничиваются чужими полномочиями. Все субъективные правовые «статусы» как бы соприкасаются отовсюду друг с другом, образуя живую систему взаимного поддержания и ограничения. Каждая ячейка цела лишь до тех пор, пока целы соседние; а так как все ячейки связаны друг с другом и всеми остальными, то нарушение одной из них нарушает тем самым остальные, или, во всяком случае, ставит все остальные под угрозу.

Именно коррелятивное связное и мутуальное взаимное сосуществование всех объективно-правовых ячеек убеждает людей в том, что самая *форма правовой связи* не только *одинакова* для всех, но есть нечто *общее всем*. Так, создать разграничение и ограждение для каждого двух субъектов — значит установить *общий* обоим *предел*; мало того, это значит установить *общий* для *всех решающий орган*, т.е. правовой авторитет, творящий и применяющий право; и, наконец, — *общее* обоим *правило*, т.е. правовую норму или кодекс норм. [1, с. 113–114].

Иными словами: организовать правопорядок значит создать единый общий союз (политическое «мы») с единою общею правовую властью («наше» правительство) и единою общею системою права («наши» законы). Именно в этом и состоит *организующая* задача государства, в осуществлении которой *все одинаково* заинтересованы. Каждый одинаково заинтересован в общем деле; или, что то же: *все солидарны*. На этой солидарности, именно на ней и только на ней — зиждется государство; в обнаружении ее и в служении ей состоит *политическая деятельность*.

Государство есть разновидность организованного сожительства, а в основе всякого сожительства людей, если оно не унижительно для них и не эфимерно, лежит *духовная однородность* и общность *духовной культуры*.

Политик, стоящий на высоте, творит то дело, в котором *солидарен весь народ его* и, если он творит его огнем своей души, то он патриот. Патриот, активно работающий над организацией духовной жизни своего народа, творящий общественную форму ее расцвета, — есть тем самым государственный деятель, национально-политический строитель и вождь. Политика вне патриотизма — беспредметна, нелепа и гибельна; патриотизм вне государства — нежизненен, немощен и бесформен. Таким образом, *государство есть положительно-правовая форма родины, а отечество составляет истинное содержание политики* [1, с. 114].

... Итак, *духовная солидарность* есть подлинная и реальная основа государства. Именно на этой основе государство должно быть понято и осуществлено как живая система *братства*, не только не противоречащая христианству, но соответствующая духу евангельского учения.

Вести политическую жизнь или, что то же, быть настоящим гражданином, значит испытывать живое неразрывное тождество между интересом государства и своим собственным интересом и, через это, признавать своим собственным интересом каждый духовно-верный интерес каждого из своих сограждан. К этому сводится основное содержание политической жизни.

В самом деле, первое, что делает человека гражданином, есть принятие государственной цели. Принять государственную цель, значит, испытать ее как свою собственную; значит не только «примириться» с нею или «согласиться» на нее, но и признать ее своею собственною целью, не противопоставлять ее больше своим интересам. Это возможно только при том условии, если личный интерес человека влечет его к тому самому, к чему ведет и государственное дело. А для этого необходимо, или чтобы государство опустилось до содержания личной, частной корысти, — или чтобы индивидуум возвысился до содержания подлинного государственного интереса. Это значит, что гражданин должен быть патриотом, ищущим расцвета для духовной культуры своего народа: тогда основная цель его жизни сама по себе совпадает с единою и объективною целью государства и, в результате, живое, неразрывное тождество интересов устанавливается легко и естественно [1, с. 115].

Если индивид сознает себя прежде всего *духом*, то дело Духа становится для него первым и основным делом. А оно есть не чисто личное и не частное дело, но, по существу

своему, одинаковое для всех и общее всем, а, по социальной форме осуществления — политическое и государственное. Обрести в себе *духовный интерес*, значит обрести в себе общечеловеческий и патриотический корень и политическое волеуправление. Это значит, утвердить основу своей личности в той глубине, на которой «мое дело» неразрывно сливается с делом «моего государства», а интерес «моего государства» раскрывается как интерес общечеловеческий.

Однако это принятие государственного интереса совершается не только в порядке *самопожертвования*, но и в порядке *самоутверждения*: ибо государство, ограждая и создавая национальную духовную культуру, *приемлет, ограждает и питает духовный интерес каждого из своих членов*. Созданное ради естественного права государство утверждает естественные полномочия *каждого гражданина*, оберегая его, как самобытный, творческий центр духовной жизни и благоприятствуя ему в его автономном самоопределении. Это значит, что каждый гражданин находит в государственной цели всю полноту своего духовного интереса признанную, соблюденную и утвержденную так, что его патриотическое «самопожертвование» есть, в то же время, акт «самоутверждения», ибо его личный духовный интерес не только не исключен из общеполитического, но входит в него целиком, составляет самую ткань его. ...

Государственный интерес складывается из *всех духовно-правовых интересов всех граждан*, причем каждый духовно-правовой личный интерес оказывается через эту государственную включенность — *общим и политическим*. Так, все необходимое гражданину для творческого труда и достойного существования — входит в интерес самого государства, определяя содержание его единой цели и практических задач.

Именно при таком понимании *государство* неизбежно становится *орудием братства и солидарности*. Приемля государственный интерес, как свой собственный, каждый индивид, действительно, усваивает все цели и все задачи государства; здесь нет ограничений и резерваций: гражданин, как истинный патриот не отделяет себя — от своего политического союза, *его задач — от своих задач, его судьбы — от своей судьбы*. Но именно через это он приемлет и усваивает *каждый духовно-правовой интерес каждого из своих сограждан*; и, приняв его, он испытывает и рассматривает его как свой собственный, личный и насущный. [1, с. 116–117].

Это можно выразить так, что государство вообще строится *не по принципу корысти, а по принципу правоты и не по принципу конфликта, а по принципу солидарности*. Так, что каждый раз, как в политике начало корыстного конфликта выдвигается на первый план или торжествует над началами права и солидарности, — так деструктивный элемент получает преобладание, и государство вступает на путь разложения. Сущность политики не в том, что граждане *борются* друг с другом, но в том, что они *сотрудничают*; государство есть разновидность не войны и разброда, но единения и творческого сотрудничества; и формула его: «не компромисс своекорыстных посягательств», а *«совпадение правых и солидарных волеуправлений»*. По самому основному существу своему государство стремится не организовать столкновение частных или классовых интересов и не просто примирить их, но *исключить их*; и жизненная прочность его определяется именно тою сферой интересов и политических актов, в пределах которой борьба классов стихает или не возникает вовсе [1, с. 118].

Вместе с тем выступает, как отмечалось, способом поддержания *естественного права* через его *положительно-правовое* провозглашение и вменение (т. е. положительное право) в сознание и к воле людей, формируя в них мотивы к правильному действию.

Итак, круг важных взаимосвязанностей государства и населения: государство интегрирует цели и интересы населения, а индивиды должны понимать возможную меру их удовлетворения, обеспечивающую общественное согласие.

В противовес, критичная оценка анархизма, предполагающего, что с «отменой» государства, *естественное правосознание внезапно созреет* в душах людей и начнет определять собою их поведение, что поэтому положительное право не нужно; что жизнь может быть организована даже совсем вне права; или что можно установить право помимо общепризнанной власти; что власть не нуждается в санкции организованного принуждения и т. д. Все это обнаруживает, что анархисты одержимы *дефектным правосознанием* и что пропаганда их остается восхвалением и популяризацией собственного духовного заблуждения. [1, с. 119].

При всем этом важными представляются интегрированные оценки «связанности» правительства и народа, неоднозначно понимаемые.

В частности, характеризуя обиходные представления о России, получившие развитие в литературе, И. А. Ильин обращает внимание на позицию: «Каждый народ заслуживает своего правительства» [1, с. 104], с чем концептуально не согласен. Дающий свой комментарий.

... Да, народ отвечает за свое правительство, если он сам находится «в здравом уме и твердой памяти» и если он его свободно избрал. И несомненно, что поскольку народ органически связан со своим правительством — не в порядке завоевания, вторжения, оккупации, бессовестного политического обмана, антинационального подавления, интернационального насилия или революционного террора, а в порядке мирного, долгого, национального развития, поскольку между православием народа и православием правительства возникает органическое взаимодействие и подобие. Вече, свободно избравшее князя или посадника, — отвечало за них [1, с. 106].

Каждый народ заслуживает — и морально, и политически лучшего правительства, чем то, которое он имеет, ибо именно лучшее правительство сделает его самого лучшим. ... Каждое правительство призвано действовать, руководствуясь инстинктом самосохранения, присущим его народу; каждое призвано видеть далее своего народа, быть мудрее его и подсказывать ему верные пути жизни.

Пора понять это и не повторять политическую пошлость, подслушанную за границей от врагов и презрителей русского народа. [1, с. 108]

Представляется, интересные рассуждения. Безусловно, не стандартные. Имеющие различные возможности в разных условиях. Зависящие от форм государства и условий развития.

В частности, исторический экскурс в недалекий динамичный XX век связан с рядом важных событий, значимых для народов трансформационных процессов.

Прежде всего, это Великая октябрьская социалистическая революция, изменившая всю систему общественных отношений, ориентированных на доминирование общенародной собственности, централизованно управляемую экономическую систему. Основной приоритет экономических и социальных решений — на общенародные интересы. За 70-летний период развития СССР решенность целого ряда проблем — развития промышленного и оборонного комплекса, производства необходимой обществу сельскохозяйственной продукции, развития космоса, достижение определенного уровня социально-экономического благополучия населения и др. Эти проблемы были прерогативой государственного управления. Как результат — достаточно высокое единодушие общества.

Трансформация на рыночные механизмы связана с усилением значимости индивидуального интереса. При этом, с одной стороны, усиление благополучия

относительно небольшого круга людей, с другой — формирование неравенства, усиление антагонизмов в обществе. При этом возрастает роль государства в обществе, необходимость решения им значительного круга проблем: на уровне населения — по включению индивидов в «солидарное» государство, на государственном уровне — формирование единых с народом целей и т. д. Только на этом пути — понимания граждан как творцов общего дела, возможна солидаризация интересов.

Это путь долгий и тяжелый. В условиях противоречивости интересов государства и населения требующий времени и усилий. Как отмечалось, по разумению И. А. Ильина, должный твориться *надлежащим органом* и, притом, органом, стоящим на должной высоте.

Поскольку государство осуществляет управленческий процесс через систему учреждений, важно, чтобы они ориентировались на эти цели. В основной идее — благополучие населения по широкому кругу — решения экономических, социальных, культурных и др. проблем. При этом поскольку в различных странах уровень достижений и потребности разные — на удовлетворение потребностей, корректируемых на достижения.

При этом, с учетом современных особенностей, важная задача сегодня в ориентации не на конфликтность, а солидарность общества, нахождение механизмов — экономических, политических, социальных, культурных и пр., в наибольшей мере соответствующих общественным идеалам и благополучию общества. Наряду с важнейшей ставкой на экономические, хозяйственные блага. Можно отметить, что уже И. А. Ильиным вводится понятие хозяйственного блага [2, с. 225]. В ряду первостепенных проблем — развитие экономики, научного и технико-технологического потенциала, приоритетных для страны направлений развития, решение социальных проблем, особо значимых — здравоохранения, образования и пр., во многом определяющих микроклимат общественного благополучия и важнейшие тенденции поступательного развития общества. Требуемых сегодня самого пристального внимания, нахождения на современном уровне, исключения неадекватностей предоставления, противоречивости, что очень значимо, в том числе для общественного согласия.

Это важный ориентир и для других стран. Вместе с тем, как представляется, не достаточно осознанный. В частности, в США наряду с позитивной ориентацией Трампа на интересы американцев (каждому внимание и поддержка Президента), на волне антипрезидентских выступлений, связанных с выборной кампанией, антиправительственные баталии. При столкновении стражей порядка с агрессивно настроенными гражданами речь идет даже, выражаясь редакционным языком, о ненавистническом поведении. Что страшно. Может развиваться до неуправляемых размеров. Поэтому нужно думать, исключать катаклизмы, искать методы взаимодействия с населением.

При этом, как очевидно, важнейшая проблема сегодняшнего развития — в эффективности государственного управления. Чтобы достичь успеха, других возможностей нет.

Также важные процессы XX в. — глобализации, интернационализации мирового развития. Всколыхнувшие страны мира, включившие их в орбиту мирового развития. Достаточно сложные и противоречивые.

С одной стороны — это шаг вперед, технико-технологический, научный, социально-политический и культурный прорыв в развитии мирового сообщества.

С другой, как свидетельствуют реалии, громадное обострение противоречивости мирового развития, трансформируемое не только на мировую систему, но и страновое развитие.

При этом важны позиции государств, их лидеров на процессы общественного развития. Как представляется, также ориентированные на «мир», не конфликтность. В противном

случае — страшный «раздрай», мировые войны и столкновения, чреватые как для каждой страны, так и мирового сообщества.

Полагаем, что в условиях формирования страновой и мировой концепций развития, позиции И. А. Ильина представляются заслуживающими внимания, интересными, выступающими основанием для размышлений, новых работ, исследований.

Список литературы:

1. Ильин И. А. О сущности правосознания. М.: Рарогъ. 1993.
2. Ильин И. А. Теория права и государства. М., 2008.

References:

1. Ilyin, I. A. (1993). O sushchnosti pravosoznaniya. Moscow, Rarog
2. Ilyin, I. A. (2008). Teoriya prava i gosudarstva. Moscow

*Работа поступила
в редакцию 25.09.2017 г.*

*Принята к публикации
28.09.2017 г.*

Ссылка для цитирования:

Океанова З. К. И. А. Ильин о сущности государства: теоретические воззрения и противоречивая практика // Бюллетень науки и практики. Электрон. журн. 2017. №10 (23). С. 259-267. Режим доступа: <http://www.bulletennauki.com/oceanova-zk> (дата обращения 15.10.2017).

Cite as (APA):

Oceanova, Z. (2017). I. A. Ilyin about nature of the state: theoretical views and contradict practice. *Bulletin of Science and Practice*, (10), 259-267